

ЧТО МЫ ВЫБИРАЕМ, ВЫБИРАЯ ТЕСТЫ?

И.Е. СИРОТКИНА

Сироткина Ирина Евгеньевна — заместитель директора Института истории естествознания и техники РАН, кандидат психологических наук, доктор (PhD) по социологии.

Автор монографии «Diagnosing Literary Genius: A Cultural History of Psychiatry in Russia, 1880–1930». Baltimore and London, 2002 ("Ставя диагноз гению: история психиатрии в России с 1880-х по 1930-е гг."), соредатор (совм. с И.М. Фейгенбергом) книги Н.А. Бернштейна «Современные искания в физиологии нервного процесса» (М., 2003).

Область интересов — история наук о человеке.

Контакты: isiro@mail.ru

В своей статье с печальным заглавием «Тесты интеллекта, или горечь самопознания» Д.В. Ушаков рекомендует критикам тестов примириться с существованием психодиагностики, а всем остальным — не роптать на те оценки, которые они получают в результате тестирования. «Смирение,— пишет уважаемый автор,— является ключом к принятию результатов психологического тестирования» (Ушаков, 2004). Мне кажется, прежде чем призывать на помощь христианские добродетели, надо разобраться в том, *что именно и зачем* мы принимаем. Думаю, никто не будет спорить с утверждением, что тестирование — это не только цифры и диагнозы, а прежде всего социальная практика. И, как у любой социальной практики, у нее есть заказчики, создатели, исполнители, сторонники и критики. Иными словами, она имеет свою историю. Рискуя надоесть читателю, уже знакомому с этой историей, напомним

вкратце основные события, относящиеся к созданию первых тестов интеллекта.

Как известно, первым тестом интеллекта считается шкала Бине–Симона. Она была создана по заказу французского правительства с целью рассортировать школьников, отделив «умственно отсталых» от успевающих (Danziger, 1997, p. 66–84; Richard, 2002, p. 251–262; Rose, 1999, p. 139–143). Дело в том, что в конце XIX — начале XX в. самым опасным явлением, по крайней мере во Франции, представлялось вырождение. Считалось, что, если не принимать никаких мер, человечество выродится под влиянием неблагоприятных факторов, как социальных (бедность, алкоголизм, загрязнение среды), так и биологических (болезней). Более всего страшились тех болезней, которые передаются по наследству; именно такими считались психические отклонения, прежде всего слабоумие. Сейчас трудно даже

представить тот страх, который внушали политикам, врачам, гигиенистам и педагогам конца XIX в. так называемые «дети-идиоты». Во Франции было решено очистить от них школы, отправив их в школы специальные. Когда эти последние были созданы, встал вопрос, по каким критериям отбирать в них детей. К решению этой задачи и подключился психолог Альфред Бине. Вместе со школьным учителем Теодором Симонном, он в начале 1900-х годов приступил к созданию искомого инструмента. Первоначально это была батарея из 30 заданий — от простейших, доступных даже двухлетнему ребенку (например, следить глазами за движущимся предметом) до довольно сложных, таких, как сравнение абстрактных понятий, с которыми мог справиться только подросток. Так возникло понятие психологического возраста: оно определялось как число заданий, с которыми успешно справлялся ребенок.

Бине создавал инструмент с целью выявления патологии и выбраковки учеников из нормальной школы, а в результате у него получилось орудие для построения иерархии *внутри* нормы, для классификации нормальных людей по некоему качеству. Оно и было названо метрическим интеллектом. До этого Бине изучал интеллект как качественную, а не количественную характеристику, например, исследуя игру знаменитых шахматистов или сравнивая ум двух своих дочерей. Задания Бине и Симона больше напоминали клиническое испытание, нежели современный тест. Для этого им не хватало, во-первых, цифрового выражения и, во-вторых, простоты в

применении. Математическое выражение шкале Бине–Симона придал Вильям Штерн: он разделил психологический возраст на хронологический и умножил на 100, назвав получившуюся цифру коэффициентом интеллекта. А массовость стала делом американских психологов. Первый тест интеллекта был создан в годы Первой мировой войны в американской армии. Армейские офицеры любят, чтобы их приказы выполнялись беспрекословно: на выполнение солдатами теста было отведено жестко фиксированное время, обработка результатов приобрела автоматический характер, вопросы имели четкие и однозначные формулировки. За время войны был протестирован 1 750 000 солдат; так была достигнута его стандартизация (Carson, 1993).

Как и во Франции, в США тестом заинтересовались те, кого волновала проблема «умственно отсталых детей», в том числе Роберт Йеркес, Генри Годдард и Льюис Терман. Последний и создал тест Стэнфорд–Бине, а Йеркес и Годдард — сторонники евгенических мер — начали кампанию за использование этого теста для выявления слабоумных в целях их последующей изоляции и стерилизации. Тест активно применялся для обследования иммигрантов, пытающихся въехать в США; тех, кто показывал плохие результаты, не пускали в страну. В руках евгеников коэффициент интеллекта стал оправданием расовых различий — превосходства коренных американцев, принадлежащих к англосаксонской расе, над приезжими — выходцами из южной и восточной Европы и, конечно, превосходства

белых над черными (Samuelson, 1979; Zenderland, 1998).

Эта компрометирующая связь тестов интеллекта с расизмом и евгеникой стала одной из причин того, что в 1930-е годы интерес к ним стал ослабевать. Кстати, это случилось и в Советском Союзе, где в это время тестирование было повседневным явлением в школах, а число педологов намного превышало число просто психологов. В 1936 г. школьные тестологи были подвергнуты критике в правительственном декрете, в котором припомнили о связи тестов с расизмом. Несмотря на расхожее мнение о нем как орудии подавления науки, декрет о педологии вряд ли можно считать очередной дьявольской выдумкой Сталина. Есть все основания полагать, что непосредственной причиной его издания стало недовольство школьных учителей создавшейся ситуацией. В ходе тестирования многие дети были признаны неспособными учиться в обычной школе и переводились в школы специальные. Но там не хватало мест, и часть детей приходилось возвращать обратно; к тому же обучение в специальных школах было поставлено плохо. Учителя устали как от этой чехарды, так и от засилья педологов в школах; декрет был их реваншем, осуществленным благодаря сочувственно настроенным чиновникам Наркомпроса (Joravsky, 1989, p. 345–350; Sirotkina, 1996).

Возможно, кто-то посчитает все это крайностями, политикой, которая отпадет, как шелуха, если только психологи будут настаивать на научном и объективном подходе к тестированию. Остается, однако, фактом, что изначально тесты — ин-

струмент отбора и классификации людей, а значит, инструмент социального контроля за ними. Их роль в обществе — служить целям социальной стратификации. Часто они закрепляют существующую иерархию (например, дети благополучных родителей имеют более высокие тестовые результаты) и, следовательно, воспроизводят социальное неравенство, на что много раз указывали критики тестов. В любом случае тесты дают в руки власти — будь то власть правительственная или экспертная (врачей, психологов) — эффективный инструмент для управления людьми. Сравнив тест с оружием, А.Г. Шмелев попал в точку: тест во много раз увеличивает возможности психолога и его вес в обществе (Шмелев, 2004). Проникновение психологов в сферы образования, кадровой политики, военной службы и т. д. в XX в. шло благодаря появлению тестов, прежде всего интеллекта. IQ стал визитной карточкой современной психологии, символом технократической культуры западного общества.

Идеи о связи тестов и власти в конце XX в. развивали Мишель Фуко и его последователи. В тестировании, психологическом обследовании, считают они, завязаны узлом истина, власть и субъективность. Тестовое обследование человека — это одновременно и выяснение о нем некой истины, и осуществление над ним власти, и превращение его субъективности в «объективную», общедоступную информацию. Заложенная в тесте процедура диагностики направлена на то, чтобы обнаружить внутренний мир индивида, скрытый от постороннего глаза, сделать невидимое видимым, превратить

ощущаемое только изнутри, интимно в доступные внешнему взору цифры, коэффициенты, таблицы. Тесты, считает Фуко, превращают индивида в объект оценки, соотносят с некоей нормой, классифицируют, помещают в определенную иерархию и в конечном счете позволяют подвергнуть социальным санкциям (Фуко, 1999; Rose, 1998; Роуз, 1993).

Еще до Фуко на эту «овнешнюю» функцию психологических тестов обратил внимание М.М. Бахтин. Характеризуя отношение Ф.М. Достоевского к современной ему психологии, Бахтин писал, что тот «видел в ней унижающее человека овеществление его души, сбрасывающее со счета ее свободу, незавершенность и ту особую неопределенность — нерешенность, которая является главным предметом изображения у самого Достоевского». Особенный протест писателя вызывала, по выражению Бахтина, «судебно-следственная психология» (к которой, скорее всего, он отнес бы и тестирование как часть психологической экспертизы). В ней Достоевский видел «принижающую человека ложь». Так, когда судьи и судебные эксперты строят гипотезы о причинах поведения Дмитрия Карамазова, и те, и другие «одинаково неспособны даже приблизиться к незавершенному и нерешенному ядру личности Дмитрия... Они ищут и видят в нем только фактическую, вещную определенность переживания и поступков и подводят их под определенные уже понятия и схемы» (Бахтин, 1979, с. 71–72). Крик героя «Записок из подполья» Достоевского: «Нельзя так судить человека!» — адресован такого рода психологам.

То же, что и «человек из подполья», чувствует обычный человек, не по своей воле (например, для поступления на работу) проходящий психологическое тестирование. Тому, кто хоть однажды подвергся подобной процедуре, не нужно читать Фуко, чтобы усвоить связь теста и власти. Он знает из своего непосредственного опыта и то, что в результате тестирования происходит овнешнение, овеществление его внутреннего, личного, интимного мира. Это чувствовали, например, участники педологических исследований 1930-х годов. По свидетельству Н.С. Курека, одна из таких участниц позже вспоминала: «Я была смышленная умная девочка и с интересом выполняла задания, но у меня осталось неприятное ощущение, что педолог обнаружил что-то нехорошее» (Курек, 2004, с. 140). Как говорится, устами младенца глаголет истина: в ситуации тестирования субъектность человека — его воля, инициатива, возможность действовать — ограничены, а чувство собственной ценности и основанное на ней достоинство снижены. В этой ситуации власть индивида уменьшается, а тестологов и того, кто за ними стоит, — бюрократа, работодателя, ученого, использующего результаты тестов в своем исследовании, — возрастает. (Из приведенного свидетельства автор книги — Н.С. Курек — делает совсем другой вывод.)

Пример с тестированием хорошо иллюстрирует тезис Фуко о связи науки об индивидуальности, включая психологию индивидуальных различий, с различными практиками управления. Согласно Фуко, науки о человеке в их современном виде

зародились с возникновением в XVIII в. современного государства и как ответ на его потребности по управлению растущим населением. Эта связь не только генеалогическая, но и эпистемологическая: ведь индивидуальность, личность, субъективность можно изучать, только объективируя, овеществляя их. Но, став объектом исследования, они становятся и объектом социального контроля. Исследование сводит индивидуальность к цифрам, категориям, коэффициентам, а это создает возможность администрирования и манипулирования ею. Психология поэтому — не только наука, но и техника управления личностью и, как таковая, часть корпуса административных, бюрократических технологий.

Фуко предупреждал, что уйти от этой дилеммы, прикрывшись разговорами об объективности научного знания, не удастся. Это подтверждает, в частности, тот факт, что с самого момента появления тестов вокруг них шли горячие дебаты. Критики тестов утверждали, что тесты, сводящие индивида к набору цифр, противоположны гуманизму и демократии; эта точка зрения особенно часто высказывалась в 1960-е и 1970-е годы. Однако с отступлением социального активизма под натиском консервативной мысли в конце XX в. появились другие точки зрения. Они заключаются в следующем. Критикам тестов теперь возражают те, кто хорошо знаком с работами Фуко и разделяет его идеи о власти экспертов. Психология, говорят они, действительно обладает властью. Но власть эта не противоположна демократии, а, напротив, на ней основывается.

Вместо того чтобы, как в прошлом, базировать индивидуальные различия на титуле, богатстве или других статусных показателях, психология демократично выводит их из способностей индивида. Она сильна потому, что создает основу для более справедливого сравнения между людьми и предлагает более объективные критерии для принятия управленческих решений. И когда психологические практики проникают в бюрократические институты (образовательные или военные учреждения, санкционированная обществом система наказаний, отбор кадров и т. п.), это только способствует более эффективному функционированию последних и в конечном счете служит благу и общества, и индивида (Rose, 1998, p. 90).

Да, соглашаются с Фуко другие, в результате психологических процедур внутренний мир становится доступным контролю и дисциплине. Но, говорят они, эти контроль и дисциплина не только внешние, но и внутренние, то есть самоконтроль и самодисциплина. В западных либеральных демократиях внешний контроль отмирает и остается только самоконтроль: каждый — можно, немного утрируя, сказать — сам себе полицейский. И это, утверждают они, не изъян демократии, а ее прямой результат и предпосылка. В демократическом обществе человек свободен не от того, что нет внешней дисциплины, а от того, что дисциплина полностью интериоризована. Иными словами, внешнее и внутреннее, субъективное и объективное совпадают. К примеру, удовлетворенность жизнью — это личная цель индивида, но этого же хочет от него

общество, поскольку довольным человеком легче управлять. Стремление к счастью — это интериоризованное социальное ожидание (Rose, 1999, p. 62–65).

Мы не будем здесь разбирать сильные и слабые стороны каждой позиции. Важно то, что, начавшись с тестов, эти дебаты выводят нас за пределы внутренних проблем психо-

диагностики и возвращают к поставленному в начале вопросу — о том, что именно мы принимаем, обращаясь к практике тестирования. Это вопрос о том, какого человека мы хотим видеть в себе и какое общество — вокруг себя. Думаю, что одного ответа для всех быть не может, но обсуждать разные варианты необходимо.

Литература

- Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979.
- Курек Н.С.* История ликвидации педологии и психотехники. СПб.: Алетейя, 2004.
- Роуз Н.* Психология как «социальная» наука // Иностранная психология. 1993. Т. 1. № 1. С. 39–46.
- Ушаков Д.В.* Тесты интеллекта, или горечь самопознания // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. № 2. С. 76–93.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Шмелев А.Г.* Тест как оружие // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. № 2. С. 40–53.
- Carson J.* Army alpha, army brass, and the search for army intelligence // *Isis*. 1993. Vol. 84. P. 278–309.
- Danziger K.* Naming the Mind: How Psychology Found Its Language. London: Sage, 1997.
- Joravsky D.* Russian Psychology: A Critical History. Oxford: Basil Blackwell, 1989.
- Kevles D. J.* Testing the army's intelligence: psychologists and the military in the World War I // *Journal of American History*. 1968. Vol. 55. P. 565–581.
- Richards G.* Putting Psychology in Its Place: A Critical Historical Overview. E. Sussex, Routledge, 2002. P. 251–262.
- Rose N.* Governing the Soul: The Shaping of the Private Self. London: Free Association Books, 1999.
- Rose N.* Inventing Our Selves: Psychology, Power and Personhood. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Rose N.* Powers of Freedom: Reframing Political Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Samuelson F.* Putting psychology on the map: ideology and intelligence testing // A.R. Buss (ed.). *Psychology in Social Context*. New York: Irvington, 1979.
- Sirotkina I.* The Pedological Decree and Child Studies in the Soviet Union // Paper presented at the 15th Conference of Cheiron-Europe, Leiden, 30.08–03.09.1996.
- Zenderland Leila.* Measuring Minds: Henry Herbert Goddard and the Origins of American Intelligence Testing. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.